

Дмитрий ЖУКОВ

На плечах у титанов

Творчество Евгения Спасского – важная часть духовной и художественной жизни России XX века, его произведения, без всякого преувеличения, составляют важную часть культурного наследия нашей страны. На протяжении своей жизни Евгений Дмитриевич проявлял себя в разных сферах: работал театральным художником-декоратором, оформителем книг, реставратором икон. Среди монументальных проектов, в которых он принимал участие, искусствоведы отмечают станцию метро «ЗИС» (ныне «Автозаводская») и «Новослободская», интерьеры «Детского мира». После войны художник активно продолжает изучать иконопись и практически до 1970-х годов занимается реставрацией и росписью храмов. Отмечая разнообразие творений мастера во многих жанрах живописи и графики, необходимо признать, что самым потрясающим циклом его работ стала портретная живопись.

Живя в советской Москве, в коммунальной квартире в Фурманном переулке, Евгений Дмитриевич оставался человеком с огромным историческим и географическим горизонтом интересов. Он создал гигантскую галерею образов. В ней – греческие боги Гермес и Афродита, создатели мировых религий Заратустра и Будда, философы Сократ и Птолемей, полководцы Александр Великий и Суворов, поэты Гёте и Новалис... А ещё – Рафаэль и Моцарт, Бах и Паганини, Ломоносов и Лев Толстой, Жанна д'Арк и Рудольф Штейнер... Апостолы, Евангелисты, протопоп Аввакум, Серафим Саровский и многие другие выдающиеся представители рода человеческого. Мы встречаем также образы родных и близких художника, его автопортреты. Каждый из портретов поразительно индивидуален, в каждом раскрыто не только социально значимое своеобразие личности, но её истинная духовная сущность. Сквозь видимую, обыденную плоть его героев буквально просвечивает скрытая в них нематериальная реальность. Именно это роднит творчество Евгения Спасского с замечательной мировой плеядой художников-визионеров.

Как портретист-визионер он не ограничивается воспроизведением лишь внешних черт своих персонажей. Глубоко чувствуя образ, художник стремится передать свойства его характера, показать духовный мир своей модели. Герои Спасского поражают не столько внешним видом, сколько тем внутренним содержанием, истинным «Я», что проступает сквозь черты лица каждого персонажа.

О созданных мастером портретах музыкантов и композиторов мы уже писали на страницах «НиР» (№ 6, 2016). Однако не только люди музыки интересовали Е. Д. Спасского. Рассматривая образы великих исторических деятелей, каждый из которых сыграл поистине титаническую роль в истории человечества, мы попробуем понять, почему именно им уделит столь пристальное внимание художник. И начнём мы с образов философов и учёных.

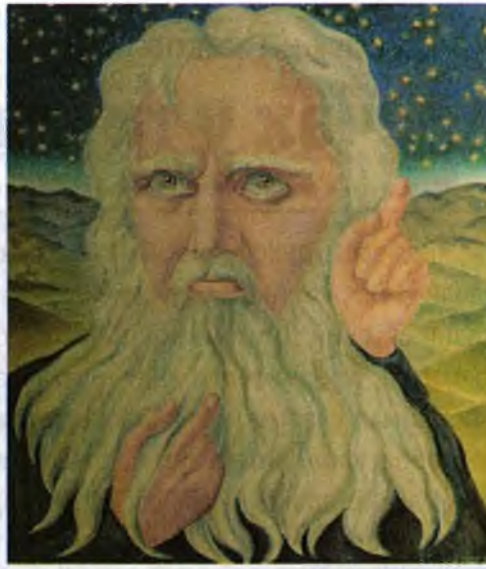
«**Последнее слово**» – так называется портрет древнегреческого философа Сократа, написанный Евгением Спасским в 1976 году. Обращение художника к этому образу не случайно. Ведь именно Сократ считается «первым философом» в собственном смысле этого слова. Его философия знаменует собой поворот греческой мысли от рассмотрения природы и мира к рассмотрению человека, индивидуума. Об учении Сократа мы знаем из двух источников – диалогов Платона и воспоминаний Ксенофонта¹. «Собеседники Сократа искали его общества не с тем, чтобы сделаться ораторами..., но чтобы стать благородными людьми и хорошо исполнять свои обязанности по отношению к семье, слугам, родным, друзьям, Отечеству, согражданам», – писал Ксенофонт в «Воспоминаниях о Сократе».

¹ *Есть ещё третий, современный Сократу, но совершенно не комплиментарный ему свидетель – Аристофан (комедия «Облака»).*

На портрете, созданном Спасским, мы видим философа, держащего в руках кубок с ядом, который он должен испить по приговору афинского суда присяжных. В чём же важность этого последнего слова Сократа, на что хотел обратить наше внимание художник?

В 399 году до н.э. афинские граждане предъявили Сократу обвинение в том, что «он не чтит богов, которых чтит город, а вводит новые божества и повинен в том, что развращает юношество». Обвинение вынес некий Мелет, богатый кожевник и трагический поэт. Сократ опроверг все обвинения, но был признан виновным большинством голосов граждан, заседавших в гелиее. Как свободный афинский гражданин Сократ не мог быть казнён публично, а должен был принять яд. В диалоге «Федон» его великий ученик Платон рассказывает о последнем дне жизни своего учителя, который тот провёл с учениками. В этой последней беседе философ поведал им, что смерти не боится, поскольку был подготовлен к ней своей философией и всем своим образом жизни. Ведь философствование, по его глубокому убеждению, представляет собой умирание для этой жизни и подготовку к жизни бессмертной души вне телесной оболочки. Вечером пришла жена философа, Ксантиппа, родственники и сыновья. Сократ простился с ними. Затем в присутствии учеников он выпил чашу яда. Последними словами философа была просьба принести петуха в жертву богу Асклепию. Такую жертву в Афинах приносили обычно те, кто имел счастье выздороветь от долго мучившей его болезни. Этими словами великий философ дал понять своим ученикам, что считает смерть брэнного тела выздоровлением души человека.

Именно этот момент и запечатлел в своём портрете Спасский. На картине в образе Сократа мы видим не страх приближающейся смерти, но могучую мысль, бьющую из пронзительных светлых глаз афинского философа. Эта мысль не кончается со смертью брэнной человеческой оболочки, но продолжает жить дальше, проходя сквозь века и тысячелетия. И ещё один момент необходимо знать, рассматривая портрет древнегреческого философа. Представители греческой ветви патристи-

Брунетто Латини. 1983

ки особо чтит эллинского философа, проводя параллели между Сократом и Христом и считая, что причиной казни Сократа служило исповедание Единого Бога и обличение язычества, что делало его как бы до-Христовым мучеником².

Спокойной могучей мудростью светится с портрета взгляд другого знаменитого эллинского мудреца **Клавдия Птолемея**. До нас не дошло практически никаких данных о его жизни. Известно только, что жил он в Александрии Египетской, научном центре тех времён, приблизительно в 127–151 годах нашей эры. В своём главном труде «Тетрабиблос» философ и учёный изложил основы астрологии для того времени, придерживаясь

тропического Зодиака (от слова «тропос» – поворот³). Наряду с этим Клавдий Птолемей оставил другой труд «Альмагест» – основу средневековой астрономии, которая содержит полное (на период II века), собрание астрономических знаний Греции и Ближнего Востока.

На портрете в одной руке Птолемей держит один из своих трудов по небесной механике, в другой же указку, которой показывает на центральное тело Вселенной, коим, согласно его системе, является планета Земля. И не стоит считать, что эти сведения давно устарели и учёный ошибался в своём знании, ведь для духовного мира Земля по-прежнему является центром нашей Вселенной. Да, Коперник, а за ним Кеплер и Галилей учили, что ошибкой будет думать, будто Солнце движется вокруг Земли. Однако оба они, и Птолемей и Коперник, были правы. Всё зависит лишь от точки зрения, с которой мы наблюдаем Солнце и Землю! Если смотреть на нашу Солнечную систему с астральной точки зрения, то правильной будет система Птолемея. Если же с физической – верна система Коперника. Не существует абсолютной истины, у каждой из них есть своя

² Р. Багдасаров Неуместные боги. Культ «эллинских философов» в русском православии. «Волшебная гора» № VI, стр. 217.

³ Тропический Зодиак – эклиптика, разделённая на 12 дуговых секторов по 30 градусов, причём каждый сектор получил название по созвездию, с которым он совпадал. Пока неподвижные созвездия и сектора тропического Зодиака совпадали, всё было хорошо, но смещение точки отсчёта на один градус в 72 года вносило расхождение, которое составляет сейчас около 30 градусов, то есть тропический знак Овна совпадает с созвездием Рыб, знак Тельца совпадает с созвездием Овна и т.д. Однако во время жизни Птолемея знаки и созвездия фактически совпадали.

миссия, необходимая для той или иной определённой эпохи. И именно это имел в виду художник, изображая на портрете астролога, астронома, математика, механика, оптика, теоретика музыки и географа – Клавдия Птолемея.

Особое место среди образов великих людей занимает портрет «**Брунетто Латини**», написанный Евгением Спасским в 1983 году. В отличие от титанов человеческой мысли и творчества он, возможно, мало известен широкому кругу читателей. Однако Данте Алигьери упоминает его в числе знаменитых флорентийцев, которые создавали «блестящий народный язык», в начале своего трактата «О народном красноречии». А в 15-й песне «Ада» говорит о нём как об одном из своих учителей. Нам же интересен тот факт, что когда Брунетто Латини, будучи послом Флоренции в Испании, возвращался

Леонардо да Винчи. 1928

обратно, он получил известие о поражении своих граждан в битве при Монтаперти. Узнав об этом бедствии, Латини пережил сильное душевное потрясение, которое совпало с лёгким солнечным ударом. Известно, что в таком состоянии человек становится легко доступным для различных тонких и духовных влияний. Таким образом, мы знаем, что Брунетто Латини на обратном пути из Испании во Флоренцию пережил некий род стихийного посвящения. И, став учителем Данте, передал ему духовные знания, полученные в посвящении, вошедшие позже в «Божественную комедию» великого флорентийца и привнесшие в поэму космический элемент. На картине мы видим седовласого старца, указующего перстом на звёздное небо и как бы говорящего нам о том воздействии на человечество или на его ярких представителей, что исходит от высшего духовного импульса, посылаемого Творцом.

На противовесе света и тени построены портреты двух величайших столпов эпохи Возрождения – **Леонардо да Винчи** и **Микеланджело Буонаротти**. На портрете Леонардо мы видим суровый облик седовласого старца, пристальный взгляд ярко-синих глаз которого из-под густых кустистых бровей пронзает зрителя. На заднем плане, под стать самому облику великого мастера, хмурится затянутое грозовыми облаками почти чёрное небо, под которым раскинулась спокойная тёмная гладь могучего океана. Всё в этом портрете дышит суровостью и могучей силой.

Спасский показывает нам титана в его истинном виде. Ведь только титанов могут сопровождать небесная и морская стихии, вечно изменчивые и многоликие, постоянно меняющие свои очертания. Они подобны тому миру, в котором жил Леонардо, с его широкой интересов, создающих впечатление первозданного хаоса, из которого возникают прекраснейшие произведения искусства. Помимо живописи, скульптуры и архитектуры, интерес Леонардо охватывал все виды деятельности, которые были связаны с созданием материальных вещей. Это машины и различные конструкции, военные орудия, мосты и каналы, музыкальные инструменты и фортификационные укрепления – всё, что можно создать руками и инструментами с помощью человеческого разума. В Леонардо да Винчи Спасский видел фигуру учёно-

го энциклопедиста, *Homo universalis*, истинного художника во всех сферах знания, наследника и продолжателя эллинских философов.

Иной образ титана творчества предстаёт на портрете одного из крупнейших мастеров эпохи Возрождения и начала барокко («**Микеланджело Буонаротти за работой**»). Несмотря на свои разнообразные способности, проявившиеся в архитектуре, поэзии и философии, Микеланджело по характеру своего дарования был прежде всего скульптором. Сложные позы, пластичность движений, чёткая и мощная лепка объёмов человеческих тел проявлялись во всех его произведениях, даже в живописи. Именно за работой с белоснежным мрамором, подобным самому белому свету, вобравшему в себя все цвета радуги, изобразил мастера Евгений Спасский. И из этого света творит поражающие своей красотой чувственные формы великий мастер, извлекая из мёртвого камня живые образы.

Среди титанов мысли XVIII столетия художник особо отметил ярких представителей двух по сути братских народов – Германии и России. Один из них – величайший немецкий поэт, просветитель, государственный деятель, учёный-естествоиспытатель, мыслитель Иоганн Вольфганг Гёте. Рассматривая человека в связи как с природой, так и с обществом, и показывая в своих художественных произведениях и научных трактатах постоянно развивающиеся и изменяющиеся отношения между отдель-

ным индивидом и остальным миром, как материальным, так и нематериальным, Гёте исходит из традиций, заложенных ещё Парацельсом и Николаем Кузанским. Американский философ и физик австрийского происхождения Фритц Капра, автор нашумевшей в своё время книги «Дао физики», характеризует Гёте как центральную фигуру в развитии экологического мышления в истории германской духовной мысли. А индийский профессор социологии Джит Сингх Уберой считает Гёте основоположником научной теории, выходящей за рамки механистической традиции, в которой оказалась заперта современная наука. Личность и труды Гёте послужили важнейшим источником вдохновения для Рудольфа Штейнера, основавшего свою философию на теории познания, выведенной им из мировоззрения немецкого поэта и учёного.

На портрете мы видим Гёте на фоне яркого, повесенному солнечного загородного пейзажа. Ещё не одетые в листву молодые деревья тянут свои тонкие ветви к голубому небу с пробегающими по нему белыми барашками облачков. Через залитую солнцем поляну тянется живая изгородь с калиткой у двухэтажного домика. Это имение поэта в Веймаре. Художник показал Гёте таким, каким он сам хотел видеть себя, – полностью связанным с природой. Даже цвет камзола мыслителя гармонирует с окружающим пейзажем. Единство человека и мира – вот основа научного мировоззрения Гёте. «В той степени, в какой человек использует свои органы чувств, человек есть важнейший и точнейший физический аппарат, – писал веймарский мыслитель. – Величайшее несчастье новой физики заключается в том, что она отделила эксперимент от человека и хочет ограничить познание природы тем, что может быть доказано с помощью искусственных инструментов». На картине Спасского тёплый, солнечный день ранней весны как бы отражает процесс прохождения природной духовной деятельности через человека. Душа человеческая представляет собой арену, на которой дух природы созерцает самого себя. И этот соединившийся с природой человек на картине – сам Гёте.

В России с подобной по масштабу личностью можно сравнить лишь Михаила Ломоносова, основателя совре-

Микеланджело Буонаротти за работой.
1965

менной русской культуры. Он первым исследовал законы русского языка и составил первую русскую грамматику. Будучи химиком, физиком и астрономом, предугадывал развитие спектрального анализа; будучи изобретателем особенной стеклянной мозаики, он сам исполнил с её помощью ряд цветных изображений. Ломоносов отстаивал идею, что религия и наука – сёстры, дочери одного Творца, и разводил их по разные стороны, видя в них противоречия, – значит клеветать на их общего Создателя. В стихах Михаила Ломоносова запечатлелись картины звёздного неба, солнечного восхода и полярных сияний такими, какими они могли быть только за Полярным кругом, где действие земных, планетных сил отступает перед силами космическими.

Именем Михаила Ломоносова, по совету Рудольфа Штейнера, была названа Московская группа антропософского общества в России. Маргарита Волошина (Сабашникова), жена русского поэта Максимилиана Волошина, писала: «Ломоносов был первым русским, мыслящим не по-средневековому; инспирированный духом новой эпохи, он поднимал в Космос свой свободно исследующий взор. Таким путём он выводил русскую культуру из плена её восточно-мечтательной и чисто душевной мистики навстречу той европейской культуре, которая связана с европейской духовностью. И вместе с тем, верный существу души русского народа и её Хранителю, он в сотворённом искал Творца, в мировом творении искал заложенное в нём Слово, ставшее плотью в Сыне Человеческом»⁴.

На картине «Михаил Ломоносов в Петербурге» мы видим гениального учёного, облачённого в форменный мундир, введённый императором Петром I; погасшая и оплывшая свеча, усталый и сосредоточенный взгляд Ломоносова говорят о напряжённой ночной работе, плавно перешедшей границу раннего Петербургского утра. На юпитре – иллюстрация к его работе «Слово о явлениях воздушных, от Электрической силы происходящих». За окном, в лёгкой голубой туманной дымке над Невой, – начало нового дня и начало новой эпохи.

Продолжение следует

⁴ М. Волошина (М.В. Сабашникова). Зеленая Змея. История одной жизни. ЭНИГМА. Москва. Стр. 230–231.

Клавдий Птолемей. 1977

Творцы духовной истории.

*О визионерских портретах Евгения Спасского
рассказывает Дмитрий Жуков*

Михаил Ломоносов в Петербурге. 1976

Последнее слово Сократа. 1976

Вольфганг Гёте. 1974